

Реализация социального мифа через акт рассказывания в художественном произведении

М.М. ИОСКЕВИЧ

В литературоведении закономерен вопрос об авторском осознании и отношении к социальному мифу, его отображении в художественном творчестве. В тексте социальный миф неизбежно проявляется через акт рассказывания, так как способ донести содержание оказывает непосредственное воздействие на читательское восприятие, формируя требуемые мыслительные стереотипы. Цель данной статьи – выявить особенности акта рассказывания, через которые социальный миф реализуется в художественном произведении.

Ключевые слова: социальный миф, акт рассказывания, восприятие, социальный заказ, объектное слово, идеологическое слово.

In literary criticism it is logical to investigate the author's awareness and attitude to the social myth, its reflection in artistic creativity. In the text the social myth inevitably manifests itself through the act of storytelling because the way of conveying contents has a direct impact on the reader's perception forming the required mental stereotypes. The purpose of this article is to identify the features of the act of storytelling through which the social myth is realized in a literary work.

Keywords: social myth, act of storytelling, perception, social order, object word, ideological word.

Введение. Социальная мифология является одним из актуальных направлений исследования гуманитарных наук, таких как философия, политология, социология. «Энциклопедия социологии» (2009) дает следующее определение социальной мифологии – это «мифологическое сознание, эмоционально окрашенное, чувственное представление о социальной деятельности, замещающее и вытесняющее реальное представление о ней и ее подлинное знание, подменяющее объективное его субъективным восприятием, внешним и вымышленным» [1].

В целом оценка исследователей сущности этого явления неоднозначна. Ряд ученых отмечает неизбежность возникновения социальной мифологии, подчеркивая ее универсальный характер.

Мифологическое сознание, которое, по утверждению А.Ф. Лосева, во все времена свойственно человеку, способствует восприятию окружающего мира как абсолютной реальности: «миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность» [2, с. 396]. Ф.Х. Кессиди полагал, что миф является порождением коллектива, который «отразил в нем свои мечты и представления о мире и жизни» [3, с. 61].

Социальная мифология «обеспечивает процесс порождения действительности» [4, с. 84], выступает как система «онтологизированных семиотических ценностей, которые актуальны в данной конкретной социокультурной общности» [5, с. 148], это – «универсальный способ раскрытия основных проблем и противоречий современности» [6].

Однако во многих работах, посвященных социальной (политической) мифологии, подчеркивается негативная роль социального мифа в жизни общества, который выступает как средство манипулирования массовым сознанием, обуславливающий «выстраивание технологии искусственного мифотворчества» [7, с. 23]. По словам И.А. Каировой, «мифы, представляя собой феномен индивидуального или массового сознания, связанный с дефицитом информации и ощущением собственной социальной обделенности, консервируют социальные установки и мешают развитию общества» [8, с. 1506]. По мнению Т. Корниенко, социальная (политическая) мифология становится «важнейшим средством консолидации общества и противопоставления “своих” и “чужих”. Она дает человеку силы преодолевать житейские трудности и надежду на то, что все его лишения окупит счастливое будущее всего человечества. В этом отношении политический миф глубоко дегуманизован; он внушает человеку

мысль о том, что его индивидуальная жизнь ничтожна по сравнению с теми задачами, которые стоят перед партией и государством» [9, с. 52].

В литературоведении закономерен вопрос об авторском осознании и отношении к социальному мифу, его отображении в художественном произведении. Понятие «социальный миф» неразрывно связано с понятием «социальный заказ», предполагающим подчинение творческого замысла чужим директивам, раскрытие тем, навязанных идеологией. Художественные произведения обязаны «доводить до сознания то, что на языке постановлений доводилось до сведения, <...> оформлять и приводить в некую систему разрозненные идеологические акции, внедряя их в сознание, переводя на язык ситуаций, диалогов, речей» [10, с. 316].

Как мы полагаем, в художественном произведении социальный миф неизбежно проявляется через акт рассказывания, так как способ донести содержание оказывает непосредственное воздействие на читательское восприятие, формируя требуемые мыслительные стереотипы. Таким образом, цель данной статьи – выявить особенности акта рассказывания, через которые социальный миф реализуется в художественном произведении.

Основная часть. Акт рассказывания предполагает оперирование понятиями «повествователь» и «рассказчик». Существуют различные точки зрения по поводу смыслового наполнения этих терминов. В.Е. Хализев определяет их различие по грамматической форме: «повествователь» ведет рассказ от третьего лица, а «рассказчик» – от первого [11, с. 236], тогда как Б.О. Корман – по степени выявленности в тексте: «повествователь» – это «носитель речи, не выявленный, не названный, растворенный в тексте», а «рассказчик» – «носитель речи, открыто организующий своей личностью весь текст» [12, с. 33–34]. В свою очередь Н.Д. Тамарченко настаивает на функциональности термина «повествователь»: «Подчеркнем: повествователь – не лицо, а функция. Но функция может быть прикреплена к персонажу – при том условии, что персонаж в качестве повествователя будет совершенно не совпадать с ним же как действующим лицом» [13, с. 305]. В. Шмид дает следующие уточнения: «“повествователь” служит обозначением инстанции более или менее “объективной”, безличной, стоящей близко к автору», в то время как «рассказчик» – это более или менее «субъективная» инстанция, «совпадающая с одним из персонажей или принадлежащая миру повествуемых событий» [14, с. 64].

Мы придерживаемся следующей точки зрения: есть две основные позиции повествователей. Это всезнающий повествователь (вне фабульного пространства), который знает «все обо всех» [15, с. 186], и вымышленный рассказчик (внутри фабульного пространства), возникающий как «попытка обосновать правдоподобное повествование о частной жизни» [15, с. 187]. Следует также отграничивать термин «повествователь» от понятия «автор-творец» (по наблюдениям Е.В. Падучевой, в научной литературе они часто используются как синонимические [16, с. 202]). Автор-творец – это «создатель словесно-художественных произведений, мастер слова, “эстетически деятельный субъект” (М.М. Бахтин)» [17, с. 68]. Именно автор-творец реализует замысел произведения согласно социальному мифу, с учетом требований социального заказа, условий цензуры. При анализе также является важным понятие «биографического автора» – «личности, существующей во внехудожественной, первично-эмпирической, исторической реальности» [17, с. 68]. Эта фигура автора является первичной при воздействии социального мифа, что сказывается в первую очередь на фактах биографии писателя.

В плане анализа произведения с всезнающим повествователем, на первый взгляд, не представляют сложности, ведь читателю дозволено принимать на веру все откровения повествователя. Однако это не всегда облегчает диалог между автором и читателем, ведь картина читательского восприятия художественного произведения может меняться со сменой эпох, с приходом новых ценностей, что приводит к появлению новых интерпретаций классических произведений, преломлению их устоявшихся в читательском понимании смыслов, к читательскому несогласию с той или иной системой ценностей персонажей.

От степени доверия читателя к рассказчику зависит адекватность восприятия, ведь «повествование от первого лица не только не проясняет облика автора, но, наоборот, скрывает его. И всякая попытка прояснить его ведет лишь еще к большей маскировке субъекта процесса высказывания» [18, с. 77]. Принятие позиции рассказчика за непреложную истину снижает степень адекватности истолкования. При интерпретации художественного произведения необходимо определить, является ли рассказчик проекцией образа автора, и выявить степень досто-

верности рассказа и возможность доверия к нему читателя. Это особенно важно по отношению к произведениям, продвигающим официальную точку зрения на изображенные события, что затрудняет выявление точки зрения «автора-творца» и «биографического автора». Таким образом, истинная авторская позиция достигается через биографические и текстологические исследования, позволяющие определить особенности авторского мироощущения, отношение писателя к идеологии политического режима, историю творческого замысла произведения и т. п.

Акт рассказывания, обусловленный социальным мифом, тесно связан с проблемой «чужого слова». Термин «чужое слово» введен М.М. Бахтиным, исследовавшим жанр романа. Исследователь указывает на огромную роль «чужого слова» и даже его преобладание в жанре романа.

М.М. Бахтин выделяет три рода слов: 1) «прямое, непосредственно направленное на свой предмет слово, как выражение последней смысловой инстанции говорящего»; 2) внеположное сознанию говорящего «объектное слово (слово изображаемого лица)»; 3) принадлежащее одновременно двум субъектам, по-разному ими осознаваемое и переживаемое «двуголосое слово» [19]. При исследовании произведений, обусловленных социальным мифом, особый интерес вызывает второй род слов, а именно – «объектное слово» (слово изображаемого лица). С помощью объектных слов раскрывается система ценностей персонажей, их точки зрения на происходящие события, и, следовательно, обозначается оппозиция «свой – чужой», с помощью которой организуется система персонажей. «Свои» – положительные персонажи, выражающие «правильную» (идеологически верную) точку зрения на происходящие события, которым противостоят «чужие» – враги, политические оппоненты и т.п. Задача объектных слов – вызвать положительный или отрицательный модус читательского восприятия по поводу героев и событий, соответствующий официальной точке зрения.

Одной из основных разновидностей объектных слов выступает в первую очередь *идеологическое слово*, которое традиционно выражается «в неких обобщенных формулах, лозунгах, разного рода пропагандистских штампах и постулатах, словах-концептах» [20, с. 97]. Идеологизированные клише проявляются «через модель общего суждения – аксиому, которая порождает эффект вневременности, незыблемости суждения» [20, с. 97]. К идеологическому слову относятся и непосредственно идеологемы как слова, обозначающие идеологические и политические понятия. Идеологическое слово попадает в художественные произведения непосредственно из средств массовой информации, оно имеет ярко выраженный эффект воздействия на читателя, поскольку максимально приближено к официальной идеологии и нередко его формулировки и клише могут рассматриваться как социальные мифологемы.

Особый интерес в социально-мифологических произведениях представляет «слово “чужих”» (то есть персонажей зачастую отрицательных, противостоящих системе ценностей главных героев), ведь по его содержанию можно судить о точке зрения, противоположной утверждаемой. Более того, оно позволяет сделать адекватное заключение и по поводу авторской позиции, ведь передача оппозиционных высказываний отрицательным персонажам с последующим их осуждением персонажами положительными либо повествователем – это один из способов донести до читателя авторскую точку зрения. А. Адамович называл такой способ «метадам “перададзенай трыбуны”» [см.: 21].

В речи как «чужих», так и «своих» может присутствовать лексика с негативной коннотацией, даже бранная лексика, направленная на оппонентов. Это один из самых простых и прямых способов принизить статус противоположной стороны.

Негативный смысл часто передается через *сравнения и метафоры с анималистическими и мифологическими образами*. Используются образы животных, несущих негативную коннотацию, ассоциирующихся с отрицательным признаком-символом человеческих качеств, черт характера, ведь «представление о том или ином животном складывается из присущих ему по самой его природе признаков, воспринимаемых человеком эмпирически (их определяют как сигнификат наименования животного), и признаков, приписываемых животному на основе хранящихся в генетической памяти народа длительных наблюдений за образом его жизни и поведением (такие характеристики называют коннотативными, или коннотациями)» [22, с. 163].

Основная задача акта рассказывания в произведениях, обусловленных социальным заказом, – вызвать положительный или отрицательный характер читательского восприятия по поводу героев и событий, соответствующий официальной точке зрения. Традиционный способ изображения «чужих» требует их осмеяния, принижения, «обесценивания». Помочь этому может смех, обличительная разновидность которого носит название «сатира». Как известно, сатира заключается в «уничтожающем осмеянии явлений, которые представляются автору порочными» и в произведениях советской эпохи «направлена прежде всего против врагов революции» [23, с. 195]. В искусстве сатира «становится способом и системой форм практического воплощения эстетической категории комического посредством иронии, сарказма, гротеска, бурлеска... и других специфических приемов неодобрения». Обличительный смех, вызываемый образами «чужих», реализуется через следующие элементы: «используется нескрываемое, карикатурное преувеличение (в описании внешности, одежды, поступков, речей, мыслей, чувств и т. д.), чем нарушаются естественные пропорции, создается намеренная дисгармония; персонажи ставятся авторами в нелепые положения, выявляющие их отвратительные черты; вздорные реплики этих персонажей, их примитивные цели и гнусные средства их достижения» [24, с. 313].

Заключение. Акт рассказывания, обусловленный социальным мифом, тесно связан с проблемой «чужого слова» (М.М. Бахтин), в частности, «объектного слова» (слово изображаемого лица) как его разновидности. С помощью объектных слов раскрывается система ценностей персонажей, их точки зрения на происходящие события, и, следовательно, обозначается оппозиция «свой – чужой». Разновидностями «объектного слова» выступают «идеологическое слово» (обобщенные формулы, лозунги, пропагандистские штампы и постулаты, слова-концепты, которые могут выступать в качестве социальных мифологем), «слово “чужих”» (по содержанию которого можно судить о точке зрения, противоположной официальной), лексика с негативной коннотацией, направленная на оппонентов, сравнения и метафоры с негативными анималистическими и мифологическими образами. В акте рассказывания традиционный способ изображения «чужих» требует их осмеяния, принижения, «обесценивания» через обличительный смех – сатиру, который реализуется через карикатурное описание внешности, одежды, поступков, речей, мыслей, чувств и т. д.

Литература

1. Мифология социальная / Энциклопедия социологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://sociology_dictionary.academic.ru/4428/МИФОЛОГИЯ. – Дата доступа : 20.11.2018.
2. Лосев, А.В. Знак. Символ. Миф / А.В. Лосев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
3. Кессиди, Ф.Х. От мифа к логосу / Ф.Х. Кессиди. – М. : Мысль, 1972. – 312 с.
4. Гриценко, В.П. Социальная семиотика / В.П. Гриценко. – Екатеринбург : ИМС, 2006. – 243 с.
5. Соболева, Н.И. Социальная мифология: социокультурный аспект [Электронный ресурс] / Н.И. Соболева. – Режим доступа : http://ecsocman.hse.ru/data/994/912/1217/019_soboleva.pdf. – Дата доступа : 20.09.2019.
6. Денисов, А.В. Миф в художественной системе музыкального театра XX века – к постановке проблемы / А.В. Денисов // Вестн. гуманитарной науки [Электронный ресурс]. – 2003. – № 3 (39). – Режим доступа : <http://vestnik.rsuh.ru/article.html?id=55060>. – Дата доступа : 20.09.2019.
7. Рюмкова, О.Г. Политический миф: теоретические основания и современная политическая практика : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / О.Г. Рюмкова. – М., 2004. – 152 с.
8. Каирова, И.А. Социальные мифы современного российского общества: основные направления и результаты исследования / И.А. Каирова // Вестник ДГТУ. – 2011. – Т. 11, № 8 (59), вып. 2. – С. 1504–1512.
9. Корниенко Т. Сущность и структура политического мифа / Т. Корниенко // Власть. – 2009. – № 10. – С. 49–53.
10. Добренко, Е.А. Не по словам, но по делам его / Е.А. Добренко // Избавление от миражей: соцреализм сегодня : сб. ст. – М. : Сов. писатель, 1990. – С. 309–334.
11. Хализев, В.Е. Теория литературы: учеб. / В.Е. Хализев. – М. : Высш. шк., 1999. – 398 с.
12. Корман, Б.О. Изучение текста художественного произведения / Б.О. Корман. – М., 1972. – 218 с.
13. Тамарченко, Н.Д. Акт рассказывания: повествователь, рассказчик, образ автора / Н.Д. Тамарченко // Введение в литературоведение. – М. : Высш. шк., 2006. – С. 300–310.
14. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

15. Долинин, К.А. Интерпретация текста / К.А. Долинин. – М. : Просвещение, 1985. – 285 с.
16. Падучева, Е.В. Семантика нарратива: семантические исследования / Е.В. Падучева. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
17. Прозоров, В.В. Автор / В.В. Прозоров // Введение в литературоведение: учеб. пособие ; Под ред. Л.В. Чернец. – М. : Высш. шк., 2006. – С. 68–81.
18. Тодоров, Ц. Поэтика / Ц. Тодоров // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 37–113.
19. Теория двуголосого слова М.М. Бахтина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://studopedia.su/6_54165_teorija-dvugolosogo-slova-m-m-bahtina.html. – Дата доступа : 20.09.2019.
20. Еремина, С.А. Социальное и индивидуальное в речи уральских политиков / С.А. Еремина // Лингвокультурология. – 2007. – № 1. – С. 96–103.
21. Адамовіч, А. Супраціў саветызацыі ў беларускай літаратуры (1917–1957) / А. Адамовіч // Да гісторыі беларускай літаратуры. – Мн. : Колас, 2005. – 1463 с.
22. Кубасова, А.О. Анималистическая лексика румынского языка как способ характеристики человека через сравнения и метафоры / А.О. Кубасова // Известия Росс. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Сер. Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 65. – С. 162–167.
23. Елисеев, И.А. Сатира / И.А. Елисеев, Л.Г. Полякова // Словарь литературоведческих терминов. – Ростов н/Д. : Феникс, 2002. – С. 195.
24. Луков, Вл.А. Сатира / Вл.А. Луков, О.И. Федотов // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. – С. 312–316.

Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы

Поступила в редакцию 16.10.2019